

М. ДНЕПРОВСКИЙ, С. КАРА-ДЭМУР

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
Ленинград — 1946

За нашу Советскую Родину!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

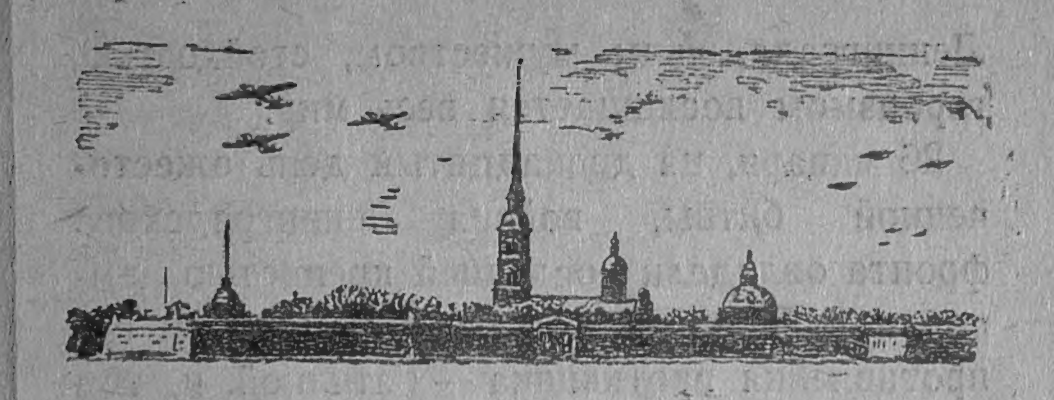
М. ДНЕПРОВСКИЙ, С. КАРА-ДЭМУР

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ

Очерк о великой победе под Ленинградом

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
Ленинград—1946

14 января 1944 года войска Ленинградского фронта начали историческую битву, завершившуюся полным освобождением от немецких захватчиков всей Ленинградской области.

Верховный Главнокомандующий генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин назвал победу войск Ленинградского фронта «великой победой под Ленинградом». Эта победа увенчала новой славой боевые знамена Красной Армии, знамена великого

Ленинграда, чьим мужеством, стойкостью, героизмом восхищается весь мир.

26 января, на двенадцатый день ожесточенной битвы, войска Ленинградского фронта овладели последней крепостью немцев под Ленинградом, основным узлом сопротивления противника — Гатчиной, и, тем самым, решили задачу исторической важности, окончательно сняли вражескую блокаду великого города.

ПЕРЕД БИТВОЙ

Сквозь сполохи немецких ракет, тревожащих ночную темь, бойцы различали впереди нити опушенных снегом проволочных линий, бугорки пулеметных гнезд и блиндажей, израненные стволы деревьев, узкую полосу «ничейной» земли. А за ней, за этой узкой полосой, лежала на сотни километров исковерканная, опоганенная немцами русская земля, земля отцов, родные города и села. Там изнывали в немецкой неволе советские люди, русские женщины, старики и малые дети. Их горе и муки звали бойцов вперед.

А за спиной невидимо возвышался Ленинград, город-герой, город-мученик, терзаемый варварскими обстрелами немцев. Горе и муки ленинградцев двигали бойцов вперед.

В холодных траншеях, опоясавших на десятки километров наш передний край, вооруженные автоматами, гранатами, неутолимой ненавистью к врагу, ждут боя воины Ленинграда. Возле траншей, у самых пехотных позиций, за снежными заборами стоят орудия для стрельбы прямой наводкой. В сторону врага направлены жерла сотен тяжелых пушек, укрытых за высотами, за рощами, за железнодорожными насыпями, за разбитыми каменными строениями. В сосновом лесу, вблизи от переднего края, в полной боевой готовности дежурят танкисты у своих КВ и Т-34. Неподалеку выстроились машины гвардейских минометов. Сидят в кабинах бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей летчики-ленинградцы.

Все готово. Все ждут сигнала, ракеты, свистка, взмаха руки, команды... Все ждут начала боя. И тогда на врага обрушится могучий всесметающий шквал огня и стали, которого он еще не видел здесь, под Ленинградом...

Здесь, под Ленинградом, немцы воздвигали «северный вал» укреплений, начиная с октября 1941 года, с тех пор, как провалилась попытка их первого штурма го-

рода. Не знавшие поражения в своих европейских походах, они под стенами великого города на Неве впервые встретили неодолимое сопротивление, впервые вынуждены были остановиться и зарыться в землю. Железной подковой они сжали город Ленина, их позиции пролегали в Урицке, под Пулковской горой, в парках Пушкина, у Дубровки на Неве. В немецком журнале «Сигнал» были помещены фотоснимки эллинга Северной судостроительной верфи, Дворца Советов на Московском шоссе, больницы имени Фореля и разбитых трамваев, забаррикадировавших дорогу на Автово... Немцы сделали эти снимки обыкновенным фотоаппаратом. Они хвастались этим, они были уверены, что город скоро падет, заготовили пропуска на автомашины для проезда в Ленинград, назначили день парада на Дворцовой площади, раздавали билеты на банкет в гостинице «Астория».

Немцы мечтали о Ленинграде, считали быстрый захват его одним из основных условий «крушения русской силы сопротивления», как это сказано в стратегическом плане молниеносной войны против Советского Союза, в так называемом секретном «Плане Барбароссы», ставшем известным

на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. Не удалось немцам осуществить свой план. Да, они близко подошли к Ленинграду, они находились в Лигове, куда шел раньше городской трамвай № 29, расположились в Стрельне, Пушкине, под Колпином, в Шлиссельбурге. Но дальше они не смогли двинуться ни на шаг. Ленинград стал им поперек горла.

И тогда, как об этом сказано в совершенно секретном приказе от 29 сентября 1941 г., адресованном только штабным офицерам: «Фюрер решил стереть с лица земли Санкт-Петербург. Существование этого большого города не будет представлять дальнейшего интереса после уничтожения Советской России.

Предлагается подойти близко к городу и уничтожить его как с помощью артиллерийского обстрела из орудий различного калибра, так и с помощью длительных воздушных атак...

Проблема жизни населения и снабжения его является проблемой, которая не может и не должна решаться нами.

В этой войне... мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города».

Этот изуверский, человеконенавистнический план исполнялся с тупой немецкой методичностью. Но Ленинград выстоял. Не сломили стойкости ленинградцев ни голод, ни холод, ни зверские обстрелы. Ленинградцы потеряли от огня вражеской артиллерии и бомбежек более 20 000 человек. Люди смывали кровь с мостовых, молча, сжав губы, хоронили своих близких и шли на заводы, чтобы точить стволы для пушек, отливать снаряды, изготовлять минометы, автоматы, пулеметы.

Не было еще в мировой истории такой волнующей героической эпопеи, как стойкость ленинградцев в 900-дневной осаде. 38-километровая ледовая трасса через Ладожское озеро — единственный путь из осажденного Ленинграда на Большую землю в тяжелую зиму 1941—1942 г., героический прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 г. — создание сухопутного коридора, связавшего город со страной, — ярчайшие страницы этой эпопеи.

Все передовое человечество восторгалось примером Ленинграда. Вся советская страна с волнением следила за борьбой ленинградцев, радовалась и гордилась их мужеством, самоотверженностью, патриотизмом.

Воины-ленинградцы в непрестанных местных боях изматывали силы врага, обескровливали его, сталкивали немцев с выгодных позиций, срывали их новые попытки штурма города. Разгорались жестокие сражения то в синявинских болотах, то в районе Красного Бора, то на Невских берегах, и всюду немцы теряли свои отборные полки, свою боевую технику. Но немцы упрямо цеплялись за свои рубежи на подступах к городу. Командующий осаждавшей Ленинград 18 немецкой армии, генерал-полковник Линдеман писал в те дни: «Ленинград, как источник большевистской революции, как город Ленина, является второй столицей Советов. Его освобождение будет всегда одной из важнейших целей большевиков. Для советского режима освобождение Ленинграда было бы равнозначущим защите Москвы, борьбе за Сталинград».

Дорогой ценой обошлось Линдеману сидение под Ленинградом. Десятки немецких дивизий полегли у стен города, сотни тысяч солдат и офицеров.

Но наступили дни, когда перед войсками фронта встала ответственная задача — отбросить фашистскую армию от стен Ленинграда, снять вражескую блокаду, освобо-

дить Ленинградскую область от гитлеровцев.

* * *

Творчески смелая, яркая идея лежала в основе оперативного замысла битвы за снятие блокады.

Западнее Ленинграда в руках наших войск оставался Приморский плацдарм, полукольцом окруженный немцами. Это был небольшой участок ленинградской земли, крепкий ораниенбаумский «орешек», которого немцы не могли разгрызть. Широкий немецкий коридор к Финскому заливу отделял Приморский плацдарм от Ленинграда. В этом коридоре в районе Петергофа, Стрельны, поселков Беззаботный и имени Володарского, Красного Села, Дудергофа находились многочисленные дальнобойные немецкие батареи, обстреливавшие Ленинград. И если осажденный Ленинград был «малой землей» по отношению ко всей стране, то для прижатого к Финскому заливу Приморского плацдарма «большой землей» был Ленинград.

На Приморский плацдарм из Ленинграда можно было попасть только через Финский залив; этот путь просматривался и простреливался немцами. И вот эта «малая при-

морская земля» играла важнейшую роль в оперативном замысле командования. Отсюда, южнее Ораниенбаума, и с другой стороны — с Пулковских высот — две армии Ленинградского фронта должны были глубоко вонзить стрелы наступления в немецкую оборону и соединить их в районе Ропши, тем самым зажав в железное кольцо Стрельнинско - Петергофскую группировку немцев. Вслед за этим стрелы наступления резко поворачивали на юго-запад — на Кингисепп и Гатчину.

На «малую землю», где более двух лет держали оборону немногочисленные советские полки, через Финский залив, под носом у немцев, надо было перебросить специально обученные для наступления новые дивизии, перебросить артиллерию, танки, боеприпасы.

Единственный порт на Приморском плацдарме — Ораниенбаумский порт находился в шести километрах от переднего края противника. Шел январь 1944 года. Финский залив покрылся коркой льда, но местами еще зияли полыньи, и впервые в зимнее время караваны судов пробивались к Ораниенбаумскому порту. В ночном мраке, с потушенными огнями шли обледенелые

суда от пирса Лисьего Носа, от пристани Канатной фабрики в Ленинграде на «малую землю», шли с войсками на борту, с боевой техникой. Немцы были близко; изредка наугад они обстреливали морской путь; снаряды рвались, кроша лед залива, вздымая столбы воды, но караваны все шли и шли. Десятки тысяч воинов, полки генералов Лященко, Романенко, артиллеристы генерала Чарнявского, 1300 вагонов военных грузов пробились через залив на небольшой «пятачок» приморья, скрытые от глаз противника ночной темью, морским туманом, густой завесой дыма. Это была необыкновенно трудная, сложная, смелая операция, и удача ее была равносильна выигрышу крупного сражения. Подготовка удара с «малой земли» осталась для противника втайне.

Одновременно с сосредоточением сил на Приморском плацдарме накапливались войска под Пулковскими высотами, откуда готовился главный удар по долговременному железобетонному поясу немецких укреплений. Здесь было больше войск, больше техники, отсюда направлялись в бой прославленные гвардейцы Ленинграда.

Каждый ленинградский воин и под Пулковом и на Ораниенбаумском плацдарме

хорошо помнил заветные сталинские слова: «Недалеко время, когда мы завершим очищение от врага Украины и Белоруссии, Ленинградской и Калининской областей...» Вдохновленные сталинским напутствием, они с нетерпением ждали начала сражения.

...Последняя ночь перед великой битвой. Тихо в окопах, тихо, как перед грозой. На «малой земле», на горе Колокольной, возвышающейся над прилегающими лесами,— наблюдательный пункт генерала Федюнинского и его штаба. Генерал часто выходит из блиндажа, смотрит на восток, ждет зари. Ждут зари пехотинцы в траншеях, артиллеристы на огневых позициях, танкисты в лесу, летчики на аэродромах.

— Скоро ли? — нетерпеливо спрашивают бойцы у офицеров.

«Скоро ли?» смотрит на часы генерал.

Скоро! Скоро заря, а с ней и начало битвы.

УДАР С «МАЛОЙ ЗЕМЛИ»

В сырой землянке на берегу реки Черной, в предрассветный час 14-го января 1944 года, перед боем генерал Романенко рассматривал карту. Она была исчерчена красными стрелами, врезающимися в оборону врага, синими кружками опорных пунктов противника, извилистыми линиями траншей и заграждений, жирными точками минных полей, номерами немецких частей... Против них, против дивизии СС «Нидерланды», против танков гренадерской дивизии «Нордланд», 9 и 10 авиаполевых соединений начинали приморцы удар с «малой земли».

Границы «малой земли» шли 70-километровым полукругом от Финского залива у Петергофа и упирались в Финский же залив у устья реки Воронка. Но стрелы наступления на карте генерала вырывались

лишь с небольшого участка Приморского плацдарма и устремлялись на восток через глубокие овраги, реки и болота, через густые лесные чащобы и покрытые соснами высоты.

— Интересно получается, — сказал генерал, отрываясь от карты, — наш первый шаг через Порожки — через порог. Это порог нашего наступления, скорей бы перешагнуть его, а дальше уж дело пойдет.

Через Порожки... На военной карте эта деревушка отмечена несколькими точками, но это было сильное звено в цепи немецкой обороны. Шириной в три и глубиной в полтора километра, опоясанный минным полем и проволокой, готовый изрыгнуть лавину огня — таким был этот опорный пункт. И таких «порожков» на первых километрах наступления было много — Перелесье, Варвароси, Гостилицы, Зрекино, Петровская — маленькие деревеньки, вокруг которых стояли, ощетинившись, дзоты, орудия в капонирах, пулеметы в курных крестьянских баньках, проволочные плетни, начиненные фугасами.

Занимался бледный зимний рассвет. 9 часов 30 минут. Скинуты чехлы со стволов орудий, разрушены снежные заборы перед

огневыми позициями, выдвинуты на площадки пушки для стрельбы прямой наводкой, блестят мины «катюш» на желобах металлических рам.

9 часов 35 минут.

Воздух потряс артиллерийский гром.

— Началось! — сказал генерал, бросая взгляд на часы.

— Началось! — словно услышав голос генерала, повторяли сотни бойцов.

Заряжающие еле успевали принимать снаряды. Сплошным потоком снаряды шли по предназначенным кривым, обрушиваясь на врага. Били орудия прямой наводкой, били из глубины тяжелые пушки, били форты «Серая Лошадь» и «Красная Горка», бил Кронштадт.

Буря артиллерийской подготовки бушевала шестьдесят пять минут и, когда огонь стал сползать с передней немецкой траншеи, по снежному полю рванулись вперед пехотинцы. Спустя несколько минут они уже были на немецких позициях.

Путь от наших окопов до немецких еще день назад был усеян продолговатыми коробками противопехотных, металлическими кругами противотанковых мин, спрятанных под снежным покровом. Осторожно нащу-

пывая в мерзлой земле тонкие нити, идущие к взрывателям мин, рискуя каждую секунду взлететь на воздух, скромные герои—саперы еще до атаки расчистили намеченные проходы через передний край до немецких траншей. Их искусные руки сняли 342.921 мину, расчистили пути, по которым и устремилась в атаку пехота.

От первой линии траншей ко второй, от второй к третьей... С горы Колокольной видна вся широкая панорама боя. Опустели наши передние окопы на всем участке прорыва. Все двинулось вперед. Наши пехотинцы ворвались в Перелесье, в Зрекино, в Порожки, перешагнули порог немецкой обороны: «малая земля» перешла в большое наступление.

Не ждали этого немцы. Они пробовали сдержать лавину наступления, опираясь на всю систему своей обороны. Яростными контратаками с правого фланга они пытались подрезать основание нашего клина, отсечь прорвавшиеся советские батальоны. Контратаки следовали одна за другой. Командовавший правофланговой дивизией генерал Лященко предвидел это, он поставил здесь плотный непроходимый огневой щит.

— Вы отвечаете за правый фланг. Немцев не пропускать ни на один шаг! — приказал он комбату капитану Губанову.

Генерал знал кремневый характер своего офицера, полагался на упорство бойцов и, уверенный в прочности правого фланга, смело двигал полки вперед.

Генерал не ошибся в своем офицере. Батальон капитана Губанова в продолжение дня опрокинул восемь немецких контратак, а тем временем клин прорыва глубже и глубже проникал в расположение немцев. В первой половине дня пали немецкие опорные пункты в полосе прорыва в 2—3 километровой зоне от переднего края. Генерал Лященко направил удар на Гостилицкий узел вражеской обороны.

Каждый шаг продвижения встречал отчаянное сопротивление врага, но решимость ленинградских пехотинцев была сильнее немецких препятствий, встававших на пути, и в эфире все чаще раздавались вопли немецких офицеров, взывавших о помощи. Уже в 16 ч. 30 м. наши радисты перехватили радиограмму командира немецкого пехотного батальона: «Занимаю невыгодные позиции за высотой. Одна треть личного состава выбыла из строя. Прошу под-

крепления». «Русские ворвались в квадрат 1743. Где наши резервы?». Штабная рация отвечала: «Резервы вышли к вам на помощь».

На фронте 9 и 10 авиаполевых дивизий, оборону которых прорвали наши войска, стали появляться свежие немецкие батальоны из резерва. Это, естественно, осложняло развитие удара наших войск, вносило дополнительные трудности, требовало нового напряжения сил, умелого противодействия вражеским контрмерам. Но это и радовало наших генералов и офицеров: значит уже удалось пошатнуть немецкую оборону, заставить неприятеля метаться в поисках средств, чтобы заткнуть образовавшиеся бреши.

Сходящиеся стрелы ленинградских армий, с Приморского плацдарма на восток и с Пулковских высот на запад, должны были сомкнуться в районе Ропша — Кипень. От рубежей «малой земли» было ближе к пункту встречи, чем от Пулково, и не математический расчет лежал в основе плана первого удара с Приморья. Наступление отсюда было начато 14 января, на день раньше, чем грянуло Пулковское сражение, чтобы обмануть противника, спутать его карты, не

раскрыть, откуда сорвется стрела главного удара. И в первый день боя становилось ясно: цель достигнута. А дальнейшее развитие сражения показало, что противник так и не разгадал направления нашего главного удара.

Клин прорыва с «малой земли» все глубже врезался в немецкие позиции. Пал Гостилицкий узел сопротивления. Полки генерала Лященко после жестоких боев прорвались на юг, перерезали рокадную шоссейную дорогу, идущую на Ропшу, и с тыла стали крушить немецкие опорные пункты. Они пробивались к Ропше с юго-запада. А с северо-запада по лесным массивам, пересекая гряды высот, по открытым полям приближались к Ропше части генерала Романенко.

Грозным препятствием на пути встала гора Лысая. Она возвышалась над окружающей равниной, как крепость, оснащенная огнем, опоясанная обилием сооружений. Против отряда капитана Марченко, штурмовавшего гору, немцы бросили танки, самоходные пушки, эсэсовский батальон. Отряд выдержал контратаку. Генерал направил на высоту массированный огонь тяжелых орудий, а тем временем штурмовой от-

ряд обтекал Лысую с севера. Карабкаясь по крутым склонам, царапая в кровь руки, пехотинцы неожиданно появились на высоте в тылу немцев. Эсэсовцы пытались удрать, но было поздно. По сигналу отряда артиллеристы перенесли огонь и вместе с пехотинцами завершили разгром немцев на горе Лысой. От 176 полка 61 немецкой пехотной дивизии, выброшенного на защиту важной для немцев дороги от берегов залива к Ропше, остался лишь один номер.

А навстречу приморцам лавиной шли гвардейцы из-под Пулково. И чем уже становился немецкий коридор к Финскому заливу, чем больше нависала опасность замыкания Стрельнинско-Петергофской группировки на побережье, тем яростнее цеплялись немцы за каждый рубеж. Но ничто уже не смогло сдержать вырвавшихся на простор «малоземельцев». Они дрались, как истые ленинградцы, с большевистской страстью, с пламенным стремлением к победе, нависая на флангах, прорываясь в тылы, появляясь там, где их и не могли ждать. Лихо сражались пехотинцы, преодолевали кручи, овраги и болота танкисты, тащили на руках свои пушки артиллеристы. В эти дни прославились имена тысяч вои-

нов-ленинградцев. В эти дни заслужил высокого звания Героя Советского Союза командир противотанкового орудия сержант Тимофей Морозов. Дважды раненный, потерявший трех бойцов своего расчета, он один остался у пушки, поджег два «тигра», самоходную установку «фердинанд». Вокруг огневых позиций его орудия валялись десятки немецких трупов. В беспримерной доблести Морозова олицетворилась великая патриотическая сила, которая владела нашими людьми, двигала их в бой, поднимала на бессмертные подвиги. Так сражалась вся «малая земля».

На четвертый день боя до приморцев донеслись раскаты могучего сражения наших полков, двигавшихся с Пулковских высот. Приближался час, когда «малая земля» переставала быть «малой». Приближался час ее соединения с великим Ленинградом.

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Подобно тому, как с горы Колокольной на «малой земле» открывалась широкая панорама поля битвы, — с Пулковской горы, с позиций, пролегавших у разбитого здания всемирно знаменитой обсерватории, на много километров окрест виднелись казавшиеся мирными снежные равнины, гряда высот впереди, темные пятна рощ, убегающая вдаль узкая лента Гатчинского шоссе. Но те, кто разглядывал сейчас эту мирную картину, знали, что кроется за тихим северным зимним пейзажем. Вся земля впереди была изрыта, исковеркана, начинена скрытым под землей смертоносным огнем.

Немецкий «северный вал» охватывал город тугим поясом укреплений, шедших от побережья Финского залива, по восточной окраине Урицка, севернее Пулково и Пушкин, на юго-восток к станции Поповка и да-

лее на север к Неве. В некоторых местах первый пояс укреплений вплотную приближался к окраинам города и находился в одном-двух десятках минут ходьбы от ленинградских проспектов. Второй рубеж немецкой обороны проходил по гряде высот, терявшихся в туманной дымке на юго-западе от Пулковской горы.

Создание «северного вала» было всесторонне продумано и математически рассчитано. То был совершенный плод современной немецкой военно-инженерной мысли. Четыре-шесть и даже восемь линий сплошных траншей на удалении 200—250 метров одна от другой, создавших путаный лабиринт окопов и ходов сообщений, насыщенных огнем автоматов, пулеметов, легких орудий, по 10—12 дзотов, бронеколпаков, железобетонных дотов и 49 стволов на каждый километр фронта, и все это, скрытое под землей, расположенное на выгодных рубежах, прикрытое густыми минными полями, спиралью Бруно и фугасами, противотанковыми рвами и рядом проволочных заграждений,— так выглядел первый пояс немецкого кольца укреплений вокруг Ленинграда. Немцы могли им гордиться. Ведь не было еще равного ему на восточном фронте.

Каждый метр нашей земли впереди своих позиций они просматривали с многих точек и простреливали фронтальным, фланкирующим и косоприцельным огнем с переднего края и из глубины. В первой линии перед нашими частями стояло 12 немецких пехотных и 1 танковая дивизия, в ближайшем резерве стояли еще 3 дивизии и до 160 танков.

За несколько месяцев до начала великой битвы «северный вал» осматривал военный корреспондент инженерного отдела штаба главного немецкого командования Рудольф Хариг. Немецкий борзописец нашел вал «в прекрасном состоянии»; он писал, что военные специалисты в Берлине и на фронте «в полной уверенности, что наши укрепления недоступны и выдержат любой натиск советских войск». Но немцы не знали, не могли знать, какой будет сила натиска советских войск. Самоотверженный, кропотливый, тяжелый труд бойцов и офицеров нашей разведки, пытливая творческая мысль советских штабов раскрыли весь сложный механизм немецкой обороны, ее тактическую основу, разгадали систему, взаимную связь ее огневых средств и сооружений. Проникнув в мельчайшие детали построения

неприятельской обороны, наше командование произвело расчеты и создало, собрало ударные силы, которые превосходили любые немецкие представления о возможной мощи нашего натиска. Против «неприступного, неодолимого вала» была направлена русская артиллерия, могучие танки и первоклассные самолеты, искусное мастерство наших войск и не поддающаяся никакому математическому учету моральная сила наших воинов — от рядового до командующего фронтом, горевших одной благородной мечтой: истребить варваров, осаждавших великий город на Неве, сокрушить «северный вал», освободить родные советские земли.

Спустя сутки после начала наступления с ораниенбаумского плацдарма, 15 января 1944 года в 9 часов 20 минут с Пулковских высот грянула разорвавшая зимнюю тишину небывалая гроза. Она раскалывала небо, озаряла его отсветом багрового пламени, пылавшим на захваченной немцами земле. Гроза то утихала, то вновь разрасталась. В ее раскатах слышались и тяжелый гул дальнобойных батарей, и рокот моторов бомбардировщиков «ПЕ-2», и короткие хлопки малых пушек, и металлический визг зал-

пов «катюш», вой и свист полета, грохот разрывов тысяч снарядов, мин и бомб. Это была могучая гроза ленинградской мести, она прошлась буреломом по немецким позициям, бушевала в окопах и в тылах, рушила блиндажи, укрепления, гасила огневые точки врага. Ленинград прислушивался к этому грому с великой надеждой, Ленинград благословлял своих воинов на возмездие.

Близилась минута атаки. Бойцы лежали в окопах невдалеке от немецких позиций. Перед наступлением они ночами долбили мерзлую землю, приближали окопы к противнику, отрыли пятнадцать километров выносных траншей. Там, где нас отделяло от немцев восемьсот — тысяча метров «ничейной земли», ныне оставалось не более ста пятидесяти — двухсот метров. Исходные позиции стали рубежом атаки.

Под неутихающий грохот артиллерийской симфонии, ровно в 11.00 советские пехотинцы на всем фронте прорыва, от Урицка до северных окраин Пушкина, поднялись в атаку, когда в передних немецких траншеях еще клубилась земля от разрывов.

В центре прорыва на направлении главного удара наступали гвардейцы генерала Симоняка. Их цепи двигались тремя эшелонами. Когда первая цепь стремительно врывалась в первую немецкую траншею, вторая, перекатываясь через нее, неслась ко второй траншее, а третья цепь, обгоняя первые две, мчалась на штурм третьей линии окопов. Это было непрестанное наращивание удара, усиление темпа штурма долговременных, глубокоэшелонированных оборонительных полос противника. Напряженная учеба гвардейцев на воздвигнутых в тылу плацдармах, схожих с немецкими укреплениями под Пулковом, их русская удаль сказались в первые же минуты сражения.

Генерал Симоняк, старый воин, крепкий, коренастый, в белом красноармейском полушубке, пристально смотрел в бинокль... Не отрывая взгляда от панорамы поля битвы, потрясая левой рукой, он, явно взволнованно, повторял вслух, не обращаясь ни к кому:

— Как идут! Как идут орлы-гвардейцы!

В штурмовой лавине, что катилась по земле, почерневшей от свежих воронок, гари и пороховой копоти, казалось, он узна-

вал своих старых соратников по боям на Ханко, на берегах Невы, у горы Синявинской, — своих сынков: любимца гвардии Федю Бархатова, лихого пулеметчика Николая Виноградова, беззаветного храбреца Михаила Кузнецова, порывистого комбата Анатолия Ефименко, и сотни других, которых он знал поименно, любил, в которых он верил.

— Как идут! Как летят, точно на крыльях несутся! — повторял генерал, и его обычно хмурое, сосредоточенное лицо просветлялось радостной улыбкой.

Одного за другим генерал вызывал к рации командиров полков.

— Хорошо идете, только не сбавляйте темпа. Не давайте очухаться немцу. Быстрее, быстрее вперед!

Наставление генерала доходило до комбатов, до командиров рот, до каждого бойца. Гвардейцы неслись на врага, с хода перепрыгивая траншеи, проволочные заборы, как бы чудом появляясь перед немцами, прижатыми к земле огненной метелью. Немцы даже не успели взорвать лед широкого противотанкового рва за первой линией траншей, как гвардейцы-автоматчики, а вслед за ними и пулеметчики с «макси-

мами», бронебойщики, минометчики проскочили ров по льду.

Гвардейцы рвались вперед, следуя за огневым валом артиллерии, и внезапно налетали на врага.

Большое Виттолово — пологая возвышенность с широким плато — господствовало на центральном участке поля сражения. Самый мощный узел сопротивления немцев на Красносельском направлении, он объединял целую сеть опорных пунктов. Захватить его — означало расшатать устойчивость немецкой обороны, распахнуть ворота в глубокий прорыв. На Большое Виттолово шел батальон гвардии майора Дмитрия Зверева, умелого и бесстрашного офицера. Ему остро врезались в память слова комдива Щеглова: «Надо домчаться и взобраться на Виттолово без всякой остановки. На тебя, брат, смотрит гвардия!»

И комбат, убыстряя темп атаки, не переводя дыхания, одним рывком поднял свой батальон на Виттоловскую возвышенность. Три тысячи метров против немецкого огня на пути, изрезанном десятками препятствий, батальон прошел в пятьдесят минут. Это был блестящий образец внезапности. Батальон застиг немцев врасплох, и бе-

тонированные точки, блиндажи, дзоты на скатах оказались беспомощными, когда на их крышах и в тылу уже хозяйничали гвардейцы. В разыгравшихся рукопашных схватках гвардейцы по-богатырски расправлялись с немцами. Рядовой Бакшаев из автомата застрелил восьмерых и в азарте боя руками задушил девятого немца. Гвардии сержант Афанасьев уложил пулеметными очередями отделение немцев и, когда опустел магазин, бросился вдогонку за убегавшим унтером и зарубил его малой саперной лопатой. Неизбывная святая ненависть кипела в сердцах гвардейцев, и они били врагов свинцом пуль, гранатами, прикладом...

На январском ветру развевался алый флаг, водруженный над Виттолово: он возвещал о том, что «северный вал» дал глубокую трещину.

В первый день Пулковского сражения гвардейцы генерала Симоняка пробились на 3—4 километра. Это был большой успех. Немцы чувствовали, как рушится их крепость под стенами Ленинграда, и напрягали всю силу, чтобы сдержать наступавших. Медленно, но настойчиво, неотступно, с исполинским упорством и воинским искусством наши войска—гвардейцы и их соседи

слева и справа — прогрызали оборону неприятеля, расширяли пробитые бреши, умножали их. На острие клина, все больше уходящего в расположение немцев, шли гвардейцы. Иной раз они оказывались в узком коридоре, простреливаемом противником со всех сторон, они окаймляли его огнем и, не оглядываясь, смело, полные решимости, держали путь вперед — на Красносельские высоты, на Воронью Гору.

«Теперь конец немцу под Ленинградом!» Эта мысль радовала и воодушевляла, и стрела направления главного удара, расколовшая южный обвод немецких укреплений вокруг Ленинграда, вытягивалась навстречу «малоземельцам».

3 Зак. 31

КРУШЕНИЕ «СЕВЕРНОГО ВАЛА»

На дощатом полу — артиллерийский целлулоидный круг с немецкими надписями, в углу — кипа журналов и свежих неразвернутых газет «Фелькишер Беобахтер», «Дас Райх», черная каска с фашистской свастикой и мышиного цвета мундир с офицерскими погонами, множество маленьких стеариновых плошек на окнах... Весь вид немецкой землянки еще сохранял свежие следы своих бывших обитателей. Казалось, в ней еще пахло смрадным фрицевым духом.

— Раскройте дверь, — крикнул комдив, — тут еще задохнешься!

Большой, широкоплечий, в высокой папахе, в расстегнутой бекеше, он по-хозяйски сидел за столом и, недовольно тыча пальцем в карту, показывал начальнику артиллерии, куда подтянуть батареи. Повер-

нувшись к командиру полка Афанасьеву, комдив резко сказал:

— Я требую, чтобы вы не двигались вперед без огня. Вот смотрите! — Он снова взялся за карту и, водя по ней красным карандашом, графически изобразил задачу полка. — Ясно?

— Ясно!

— Ну, вот, хорошо. А теперь пройдите в соседнюю землянку, — он кивнул головой на артиллерийского подполковника, — договоритесь между собой. Составьте точный план взаимодействия.

Когда командир полка и начальник артиллерии вышли, комдив, с неожиданной после резкого разговора мягкостью, сказал:

— Да разве на них можно сердиться? Боевые офицеры, ведь, здорово воюют.

Полковник любил их, ценил их труд. Трое суток в неутихающем бою их бойцы, двигаясь впереди всех, смело пробились на много километров в расположение врага и сейчас первыми врезались в гряду высот, по которым проходил второй пояс «северного вала» немецких укреплений. Но такой уж характер у комдива: пока идет бой, он не перестает требовать, достигнутое ему ка-

жется малым, добытый успех его уже не удовлетворяет.

С уходом Афанасьева и артиллерийского начальника в землянке некоторое время царила тишина. Из угла лишь доносился писк рации да телефонист кого-то вполголоса ругал, что его не слушают. Ординарец, безуспешно пытавшийся в течение дня накормить комдива, улучив минуту, предложил покушать.

— Покушать? Давай, давай, проголодался! И вы со мной, товарищи! — пригласил комдив находившихся в землянке офицеров.— Кстати, и мой день рождения отпразднуем. Три дня назад, в первый день наступления, мне исполнилось тридцать два года.

Офицеры подняли кружки с вином, поздравили комдива с днем рождения и с успехом дивизии, двигавшейся на направлении главного удара.

— Насчет дня рождения согласен, — сказал в ответ комдив, — с успехом еще рано поздравлять. Надо взять Воронью Гору!

Лесистый пик Вороньей Горы главенствует над всей грядой дудергофских и красносельских высот. Отвесно поднимаясь

к небу на сто семьдесят с лишним метров, гора являлась сильнейшей естественной крепостью, преграждавшей путь к Красному Селу. С вершины Вороньей Горы немцы, как на ладони, видели и Ленинград, и Пулково, и льды Финского залива, и Кронштадт, и Пушкин. Отсюда, как с крепостной башни, из многочисленных наблюдательных пунктов, богато оснащенных современными артиллерийскими приборами, немцы направляли огонь десятков дальнобойных батарей на улицы и площади Ленинграда. А сюда, на эту гору, на самую высокую точку на всей ленинградской земле, должны были взобраться гвардейцы Симоняка, лишив тем самым немецкую артиллерию всевидящих глаз и расколов их оборону на втором рубеже. Сюда и шли гвардейские полки Афанасьева и Шерстнева, сюда пробивались они сквозь огонь и дым сражения, взрывая немецкие доты, захватывая с хода батареи тяжелых пушек, смело проникая небольшими группами во фланг и в тыл немецких позиций. «Кто на Вороньей Горе — тот и хозяин этих мест!» Этот крылатый лозунг, который повторяли все — от генерала до бойца,— стал силой, двигавшей людей, звавшей их вперед.

Правый сосед гвардейской дивизии — полк майора Меньшова уже захватил Большой лагерь напротив Красного Села, завязал жестокий бой на окраине города. Красноармеец Карихов уже забрался в здание Красносельского вокзала и, установив пулемет в пролете окна, сыпал длинными очередями по шоссе. Но было ясно: овладеть городом невозможно, пока немцы на Вороньей Горе. . .

Части гвардии подполковника Шерстнева, выбив немцев из Пиккола, подошли с юга к Дудергофскому озеру. Севернее озера, с фронта прорывались к подножью горы лихие автоматчики прославленного капитана Массальского. И план штурма, нанесенный дотоле лишь в контурах на карту, получил ясные, точные очертания, окончательно вызрел в смелый маневр на окружение немецкого «вороньего гнезда».

Оставив небольшой заслон с юга, бойцы Шерстнева огибали озеро по его западному берегу и выходили к южным склонам Вороньей Горы. Из Большого лагеря, в обход горы с севера, вырвался к ее западным склонам танковый отряд с десантом автоматчиков. А с фронта наносил удар гвардейский Ленинградский полк под командо-

ванием Афанасьева. Это было в ночь на 19 января.

В Красном Селе полыхали огни пожаров, с неба струилось мягкое мерцание звезд, тихо покачивались на январском ветру деревья в парке, обрамляющем Дудергофскую высоту. И в тишине тревожной зимней ночи гвардейцы смыкали кольцо вокруг Вороньей Горы. Только за-полночь, грохоча, устремились вперед наши танки, отрезая немцам пути отхода на запад. А вскоре, одновременно со всех сторон, гвардейцы пошли на штурм, искусно завершая хорошо задуманный и не менее хорошо исполненный маневр. По крутым склонам горы, скользя по снегу, царапаясь вкровь о кусты, обезумев от страха, скатывались немцы вниз. Но спасения им не было... У подножия горы гвардейцы видели дальнобойные 406-мм орудия, которые обстреливали Ленинград. Убийцы, обагрившие свои руки в крови ленинградских граждан, не нашли пощады. «Воронье гнездо» было разворошено, весь гарнизон крепости — истреблен.

Паденье Вороньей Горы ускорило и развязку боев за Красное Село. Южный фланг красносельского плацдарма оказался открытым, и сюда генерал Симоняк, в обход

горы с юга, бросил новые силы. Подвижные группы танков с автоматчиками на броне прорвались в тыл немцам. Усилили нажим и части, наступавшие со стороны дымившихся развалин вокзала. Начался общий штурм. Каждый дом, каждая улица стали ареной ожесточенного сражения.

Бой протекал по всем правилам штурмового искусства. Гвардейцы блокировали дома-доты, из танков и орудий прямой наводкой били вдоль улиц по подвалам и этажам, подрывали толом баррикады, возведенные на перекрестках. Особое мастерство и напряжение, смелая инициатива и находчивость каждого участника — без этого немыслим успех в уличных боях. Так и воевали славные гвардейцы — от дома к дому, от одного перекрестка к другому, от квартала к кварталу, очищая Красное Село от немцев. На домах, в отсветах зарева пожаров и раннего зимнего заката, все больше пламенело красных флажков, водруженных руками победителей.

По Нарвскому шоссе, пересекающему весь город, сквозь дым и пламя, мимо черных обугленных развалин, мчалась колонна советских танков на запад, навстречу наступавшим с Ораниенбаумского плацдарма.

Смыкались стрелы ударов, направленных с «малой земли» и с Пулковских высот. В узкой горловине еще отчаянно метались оставшиеся немцы, но ничто уже не смогло сдержать хода неминуемых событий. Противодействие немцев с каждым часом становилось более судорожным, непоследовательным. Неожиданные маневры наших частей, решительные внезапные удары по коммуникации врага приводили его в полное замешательство.

С удивительным упорством защищали немцы Ропшу. Дважды им удалось отразить наши атаки. Но соединение генерала Романенко, вырвавшись из района прорыва на юго-восток, приближалось к Кипени. Над немцами, сидевшими в Ропше, реально вставала угроза окружения. Бросив свою технику, орудия, склады, они побежали.

Бойцы, первыми вошедшие в Ропшу, нашли в кабинете немецкого коменданта догорающую свечу, еще неостывший суп на столе, мундир с орденами, бережно повешенный на спинку стула. Труп коменданта был опознан на следующий день на обочине проселочной дороги в трех километрах от Ропши. . .

От Кипени на Русско-Высоцкое, навстречу танкам, вышедшим на запад из Красного Села, ринулись танки, начавшие путь наступления на «пятачке» Приморского исходного плацдарма и устремленные ныне на соединение с «большой землей».

Спустя два месяца, командующий 18 немецкой армией генерал-полковник Линдеман писал: «Несмотря на наше ожесточенное сопротивление, советским войскам удалось оттеснить нас с позиций и тем самым вынудить нас к отступлению». Немецкие войска, как вынужден был засвидетельствовать Линдеман, понесли под Ленинградом «поражение огромного масштаба».

Первым этапом этого огромного немецкого поражения было крушение «северного вала» в первые же дни Ленинградского наступления. За пять дней боев Красная Армия взорвала два мощных блокадных пояса, окружавших Ленинград, прошла до 20 километров вперед, расширила фронт прорыва до 40 километров. Сквозь толщу немецких укреплений, по земле, каждый сантиметр которой или стрелял или был готов взорваться под ногами, — наши бойцы прошли, сражаясь с ожесточенной яростью.

Нужна была великая непреоборимая духовная сила, мощная боевая техника, подлинное высокое воинское мастерство, огромное напряжение физических сил бойцов и офицеров, творчески-дерзкая мысль наших военачальников, их стальная воля, чтобы пробить трещину в стене немецких укреплений, расшатать, расширить ее до таких размеров, когда стена рушится в прах.

19 января 1944 года Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин объявил благодарность войскам Ленинградского фронта, осуществившим прорыв и овладевшим «городом Красное Село, превращенным немцами в крепость, и таким же мощным опорным пунктом обороны противника и важным узлом дорог — Ропща». В 21 ч. 00 м. столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Это был салют героическому началу великой победы под Ленинградом, салют, огни которого озарили радостью спасенный от немецкого варварства великий город Ленина, озарили сталинской благодарностью идущие все дальше на запад войска Ленинградского фронта.

СТРЕЛЫ СОМКНУЛИСЬ

Танки шли с открытыми фарами, вырывая из ночной тьмы небольшие светлые пятна на шоссе. Под лучи фар попадали то окоченевшие трупы немцев, то ржавые скелеты обгоревших «тигров», то сваленные на бок полевые орудия, то желтые дощечки с предостерегающими немецкими надписями «минен» — мины. Вдали поднималось к облакам огненное зарево, окрашивая небо в багровый цвет, взмывали вверх ракеты, и их яркие цветистые вспышки на миг заливали причудливым светом верхушки заиндевевших деревьев, снежные равнины. Экипажи танков, мчавшихся на запад, казалось, не замечали всей этой картины морозной военной ночи — ни подожженных немцами деревень, ни сигнальных огней мечущихся в лесах разрозненных вражеских групп, пытавшихся выбраться из западни.

Разведчики устремили свой взор вперед, отыскивая во тьме заветные огоньки танковых фар, которые должны были блеснуть откуда-то с юго-запада, со стороны Кипени.

Танки с разведчиками на броне прошли больше десятка километров, когда внезапно на дороге перед ними появился немецкий обоз. Не сбавляя хода, открыв огонь из пушек и пулеметов, лавина танков неслась вперед, сметая все на своем пути, подминая под себя немцев, легкие орудия, повозки со скарбом, лошадей. Машины на большой скорости мчались по шоссе, все больше углубляясь в тыл врага.

Сквозь полуоткрытый люк механик-водитель головного танка увидел справа черные силуэты строений.

— Подъезжаем к Русско-Высоцкому! — сказал он находившемуся в танке подполковнику Коробейникову.

Спустя несколько минут по броне танка забарабанили приклады автоматов. Танк остановился.

— Товарищ подполковник! Впереди танки! — раздалось несколько возбужденных голосов.

За головным танком остановилась вся колонна. Разведчики спрыгнули с брони, со-

шли с дороги и, пригнувшись, с автоматами наготове, побежали навстречу грохочущим машинам. Неожиданно наступила тишина. Остановились и встречные танки. Погасли огни фар.

— Эй, кто такие? — закричали разведчики из-за придорожных кустов.

Ответ прозвучал почти рядом.

— Ленинград! Ленинград! — одновременно повторило более десятка голосов.

— Победа! Победа! — крикнули разведчики. Не в силах сдержать радостного волнения, обе группы кинулись навстречу друг другу. Это было в ночь на 19 января в 23 часа 00 минут.

«Ленинград», «Победа» — были условными паролями встречи подвижных танковых групп двух ленинградских армий, завершивших окружение Стрельнинско-Петергофской группировки немцев. Стрелы сомкнулись, и сочетание двух паролей составило короткую, но знаменательную формулу: Ленинград — победа!

Головной танк, шедший из Красного Села, направился в сторону Ропши на доклад генералу Федюнинскому. Головной танк, шедший из Ропши, помчался в сторону

Красного Села доложить о встрече командарму Масленникову.

А на заре 20 января 1944 года, у маленькой деревеньки Рюдемюлю, на дороге Красное Село — Ропша, встретились и побратски обнялись и наступавшие с двух сторон пехотинцы. Это была встреча, каждый участник которой сохранит в памяти на всю жизнь: короткий митинг на дороге, развевающиеся рядом два полковых знамени и горячие, идущие от глубины души, взволнованные речи о родном городе, о сталинской благодарности.

* * *

Уже в первые часы, когда грохот артиллерии «малой земли» возвестил о начале битвы, немцы стали нервничать на побережье Финского залива. Они еще больше засуетились при раскатах артиллерийского грома, грянувшего спустя день из-под Пулкова, и чем уже делался коридор, разъединявший обе наши наступавшие армии, тем сильнее метались немцы. Их уже не радовали ни сорванные в петергофских дворцах картины, ни уворованная старинная мебель, ни награбленные фарфоровые статуэтки и зеркала в серебряной оправе, украшавшие их

землянки. Немцы чувствовали: идет возмездие! Они еще пытались удержаться, яростно цеплялись за каждый клочок земли, но расплата надвигалась неумолимо. И тогда, бросая все, они стали удирать на юг, пробираясь по дорогам, еще не перехваченным нашими войсками. Но кольцо сомкнулось прежде, чем немцы ожидали, и в приморском «котле» остались немецкие батальоны, потерявшие связь со своими полками и дивизиями, десятки артиллерийских батарей, склады с бесчисленными штабелями боеприпасов, танки на дорогах, обозы с продовольствием.

Наши войска, двигаясь с востока на запад, с юга на север и с запада на восток, рассекая на части оборону окруженной группировки, опрокидывали немцев, громили их последние опорные пункты.

В любимых приморских городках ленинградцев, в чудесных парках и дворцах, известных своей красотой всему миру, в создание которых был вложен труд многих поколений русских людей, талант великих зодчих и ваятелей — Воронихина, Козловского, Растрелли, — царила мерзость немецкого хозяйничанья. На каждом шагу видны были следы дикого немецкого варварства.

Петергоф — эту жемчужину архитектурного искусства они превратили в груду руин. Все ценное — от бронзовой фигуры Самсона до чугунных решоток Английского парка — они вывезли в Германию, как металлический лом. До основания была разрушена Стрельна, одни лишь обугленные развалины остались на месте, где был поселок Володарского. И так везде...

Но в этой зоне пустыни наши воины видели еще более страшное свидетельство кровавых немецких преступлений — огромные дула десятков дальнобойных орудий, нацеленных на Ленинград — на Невский проспект, на Исаакиевскую площадь... В Стрельне, по улице Лассаля, переименованной немцами в Артиллерийскую, огневые позиции немецких тяжелых батарей располагались меж домов, орудия стояли в капонирах, замаскированных под мирные дачные домики. Каждый немецкий солдат, плененный на Приморье, испуганно выговаривал заученную фразу.

— Я не артиллерист! Я не стрелял по Ленинграду!

Но пойманные на месте преступления, уличенные документами, знаками различия, они вынуждены были сознаться и раскры-

вать циничную мерзость своих кровавых дел.

Фельдфебель Фриц Кепке не успел уничтожить свою солдатскую книжку, в которой записано, что он — командир 2-го орудия, 2-й батареи, 2-го дивизиона 910-го артиллерийского полка особого назначения. «Особого назначения» — то есть для обстрелов Ленинграда. Вяло и монотонно, точно речь идет о мелких обыденных делах, переминаясь с ноги на ногу, тупо глядя на допрашивающих офицеров, он говорил:

— Наш полк систематически обстреливал Ленинград. Вначале обстрелы преследовали цель — заставить население Ленинграда капитулировать. А потом обстрелы были направлены на разрушение города и уничтожение населения.

Штаб 910-го полка, согласно показаний Кепке, разработал «строго научную систему» обстрелов.

— Беглым огнем, — рассказывал он, — обстрелы производились для разрушения целых кварталов и массового истребления жителей, редким и методическим огнем — чтобы терроризировать население. Для обстрела города на батареях имелся специальный запас боеприпасов, отпускавшихся

в неограниченном количестве. В августе и сентябре батарея выпускала в день не менее 100 снарядов, а с ноября расписание изменилось, стали стрелять ночью, чтобы вызвать больше жертв.

Кепке цинично говорил о том, что немецкие артиллеристы сопровождали свой каждый выстрел по Ленинграду криками: «А ну-ка, еще в один дом трахнем», «Несколькими семьями меньше», «А ну, давай фарш».

Командующий группой «Норд» фельдмаршал Кюхлер в ноябре 1943 года в специальной телеграмме отмечал заслуги полка, справлявшего вторую годовщину пребывания под Ленинградом. «Заслуги!» Кровь лилась на мостовых города, дети теряли своих матерей, сотни ленинградцев гибли в развалинах домов, в трамваях. Около 150 тысяч снарядов немцы выпустили по Ленинграду. Вот они, «заслуги» арийских людоедов.

С лютой ненавистью, кипящей в душе, со священной яростью расправлялись наши бойцы с немецкой поганью. С гордостью, с сознанием выполненного долга они оглядывали разбитые, захваченные, обезвреженные осадные пушки.

4*

В районе поселка Беззаботный в наши руки попали немецкие 220-мм пушки новейшего образца. Они были выпущены немецкими заводами в 1943 году. Вес каждого такого орудия — 137 тонн, длина ствола — 14 метров, дальнобойность — 34 километра. 265 орудий, из них 85 крупного калибра от 152 до 406 миллиметров, были взяты за шесть дней наступления. 25 тысяч убитыми потеряли немцы за эти дни. За муки и кровь ленинградцев потоками лилась черная немецкая кровь...

Стрельнинско-Петергофская группировка противника была уничтожена. 20 января наши части распотрошили весь «мешок», в котором очутились немцы. Вся территория на восток от села Керново на берегу Финского залива — самой западной точки на «малой земле» — воссоединилась с Ленинградом. Над Урицком (Лигово), поселком Беззаботный (этот поселок, увы, доставил нам много забот — в нем находились главные силы немецкой артиллерии, обстреливавшей Ленинград), над Стрельной, поселками Володарского, имени Ленина и десятками других — снова взвился советский флаг. Стрелы наступления, направленные ранее на запад от Пулкова и на восток

от «пятачка», повернули на юг. И в это время на юго-востоке от Ленинграда грянул новый удар по немецкой обороне: войска Ленинградского фронта при прямом содействии войск Волховского фронта овладели станцией Мга.

МГИНСКИЙ ЗАМОК

Мга! Ленинградцы, пережившие осаду, сражения под стенами города, никогда не забудут этих трех букв.

Мга! Немецкие парашютисты захватили ее в сентябре 1941 года и тем самым лишили Ленинград последней железной дороги, связывавшей его со страной.

Мга! Тут замкнулось кольцо блокады Ленинграда. Тут проходил коридор, разделявший войска Ленинградского и Волховского фронтов. Тут немцы на Синявинских и Келколовских высотах, с которых на много километров окрест все видать, как на ладони, создали сильную оборону.

Немцы назвали Мгу «замкòм Ленинграда». Отсюда они прорвались к берегам Ладоги, закрыли замòк на ключ и считали, что ленинградцам ни подобрать «ключа», ни разбить замка не удастся...

В январе 1943 года, в битве на Неве севернее Мги, воины-ленинградцы и волховчане пробили первую брешь в мгинско-синявинском узле и в отбитом узком коридоре суши, у самого Ладожского озера, проложили железнодорожную линию, связавшую Ленинград со страной. Немцы из Мги нависали над этой дорогой, обстреливали ее; к многочисленным линиям траншей и всяческих сооружений, опоясавших Мгу и господствующие высоты, немцы после прорыва блокады все прибавляли новые траншеи, доты, пушки, пытаясь снова захлопнуть замок или, во всяком случае, не дать возможности его больше раскрыть.

Мга! В продолжение всей 900-дневной осады Ленинграда к ней были прикованы мысли и взоры жителей и бойцов. Сражаясь на берегах Невы, бойцы Ленинграда пробивались к Мге. Воюя на горящей торфяной земле синявинских болот, бойцы Ленинграда пробивались к Мге. Атакуя Синявинские высоты, бойцы Ленинграда пробивались к Мге. И вот настал день, когда войска Красной Армии ринулись под Ленинградом в решительный штурм, расшатали «северный вал», захватили Красное Село,

Ропшу, Петергоф и протянули свою руку к Мгинскому замку.

Ленинградские части наступали на Мгу с севера и северо-запада, волховчане — с востока, вдоль линии Северной железной дороги. Бойцов-ленинградцев и волховчан связывала крепкая боевая дружба многих месяцев совместного ратного труда. В январе 1943 года в Рабочем Поселке № 5 произошла трогательная и незабываемая встреча: волховчане и ленинградцы, прорвавшиеся навстречу друг другу сквозь бушующий огонь немцев, обнимались, целовались, поздравляли друг друга с победой, с открытием сухопутного сообщения из Ленинграда на Большую землю. И сейчас ленинградцы и волховчане снова действуют вместе. Наступление они ведут снова в январские дни. Но после первого совместного удара прошел год, и люди за год усовершенствовали свое мастерство, обрели опыт, еще больше окрепла их вера в победу; они уже знали о начавшемся широком наступлении под Ленинградом, о первых успехах, и в бой рванулись смело и горячо.

Ленинградские воины стремительно захватили Павлово, Мустолово, Келколовские высоты. Нева, над которой возвы-

шается легендарный город-герой, на всем ее протяжении была очищена от немцев. Бойцы гнали врага от невских берегов и, после захвата Келколовских высот, контролировали подходы ко Мге.

Во главе подвижного отряда, прорвавшегося во Мгу, шла группа из семи смельчаков во главе с лейтенантом Леонтьевым. Была ночь. Тусклый отсвет звезд блестел на снегу. Разведчики пробирались незнакомыми тропками к развалинам домов, причудливо выглядевшим при лунном свете, разбились на группы и, по сигналу Леонтьева, открыли стрельбу из автоматов и ринулись в город. Разведчики неслись по улицам между строениями, непрестанно ведя огонь из автоматов, создавая впечатление, что во Мгу прорвалась большая группа. За смельчаками в город проник весь отряд, и вскоре лейтенант Аркадий Леонтьев снова, как год назад, сжимал в своих объятиях воинов-волховчан, пробившихся ко Мге с востока.

Мгинский замок был сорван, распахнуты ворота из Ленинграда в страну по Северной железной дороге через Мгу и Волхов. В честь этой победы двенадцать артиллерийских залпов салюта вновь прокатились

над Москвой. Великий вождь Красной Армии объявил благодарность всем войскам, участвовавшим в боях за город Мга. Это была вторая благодарность великого Сталина Ленинградским войскам, начавшим 14-го января битву за полное снятие осады Ленинграда.

Части полковника Папченко устремились на Тосно — на Октябрьскую железнодорожную магистраль, связывающую Ленинград с Москвой. Немцы цепко держались за эту магистраль, построили в железнодорожных насыпях огневые точки, воздвигли на лесных опушках, вытянувшихся вдоль железнодорожного полотна, деревоземляные валы с бойницами.

В Саблино, на пути к Тосно, перед взорами наших бойцов предстало необычайное зрелище: на широком поле, которое трудно охватить взглядом, густыми рядами высились березовые кресты, покрытые черными касками со свастикой; последний номер креста перевалил за 5000. На этом гигантском кладбище было много свежих могил немцев, убитых в последних боях.

— Мы еще не все воздали немецким зверям! — говорили бойцы, глядя на немецкие кресты, и с новой яростью шли в бой.

Немцы сняли рельсы, вырвали шпалы, изуродовали полотно ленинградско-московской магистрали. Фашисты хотели разобщить наши два великих города. Не вышло! Спустя несколько дней после развернувшегося наступления, в наши руки перешли Тосно, Любань, а вскоре и весь путь из города Ленина в родную столицу был свободен от немцев.

Захват Красного Села и продвижение на Гатчину, крушение Мгинского замка и прорыв на Тосно — создавали угрозу для немецкой группировки, находившейся в Пушкине и Павловске; оба города охватывались полукольцом, которое все больше и больше сжималось. Смелой ночной атакой части Героя Советского Союза Краснокутского овладели поселком Александровка, прилегающим к Пушкину. Немцы пытались выбить из него наших бойцов, упрямо лезли в контратаки, потеряли 700 человек убитыми и всякую надежду на возврат поселка.

На укрепления пушкинско-павловского узла сопротивления немцы не жалели ни средств, ни сил; они опоясывали города густой сетью траншей, превращали каменные здания в доты, приспосабливали подземные канализационные трубы для укрытия

автоматчиков. Теперь этот узел обороны, глубоко обойденный нашими наступающими частями, терял свою силу сопротивления. Немцы чувствовали себя в нем неспокойно и с опаской поглядывали на узкую щель выхода из Пушкина — на дорогу в деревню Антропшино, которая у них еще оставалась, но которая, как последняя отдушина, могла окончательно захлопнуться каждую минуту. Немцы еще судорожно пытались оттянуть конец своей Пушкинско-Павловской группировки, дрались с ожесточением на подступах к городу, но они уже не смогли сдержать стремительного удара наших частей, последовавшего 24 января. В полдень почти одновременно вступили части Рябушева в Пушкин и части Квашнина в Павловск. Приказ Верховного Главнокомандующего в тот же день возвестил об этой новой славной победе ленинградских войск. Наиболее отличившиеся дивизии и полки получили название «пушкинских» и «павловских»; всем войскам, участвовавшим в освобождении городов Пушкин и Павловск, Верховный Главнокомандующий объявил благодарность. Это была третья Сталинская благодарность войскам Ленинградского фронта на протяжении десяти дней.

Город, носящий имя великого русского поэта — город Пушкин. Красота его увековечена гениальными зодчими, воспета Александром Сергеевичем. В довоенные дни тысячи ленинградцев проводили свои выходные дни в старинных парках, под сенью которых некогда гуляли Пушкин и Карамзин. Ленинградцы любили этот зеленый городок, его замечательные творения искусства, плод труда всемирно известных архитекторов, живописцев, — великолепие Екатерининского и Александровского дворцов, замечательные скульптуры, расставленные по аллеям. Здесь все было дорого сердцу русского человека, сердцу патриота.

Город-жемчужина предстал перед глазами наших воинов разбитым, разрушенным, разграбленным. Пустыми глазницами окон, огромными брешами в стенах зиял Екатерининский дворец, разбитый и обворованный. Немцы вывезли из него и похитили все картины, ободрали стены, сняли паркет. Знаменитая янтарная комната, синий зал, — все оказалось разбитым, загаженным. Печальное зрелище, вызывавшее слезы на глазах, предстало перед воинами-ленинградцами и в Александровском дворце, и в чудесных парках, где проле-

гали немецкие позиции и лежали изрубленными и истерзанными вековые деревья. Точно смерч прошел по городу, дворцам, аллеям — так выглядел Пушкин после фашистского хозяйничанья. Наши бойцы не могли глаз оторвать от этой кощунственной «работы» немцев... Они переходили из одного разрушенного зала в другой, из одной разбитой аллеи в другую, и все большая ярость овладевала их сердцами. Они ускоряли шаг и молча выходили на дорогу, на широкую дорогу дальнейшего стремительного наступления.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

Тяжелые, грузные тракторы, пофыркивая, тянут огромные длинноствольные пушки; второй раз за двенадцать дней Ленинградской битвы дальнобойные меняют свои огневые позиции, проходя уже мимо тех мест, по которым недавно били из-под Пулковских высот. Обгоняя тракторы, идут по широкому шоссе грузовики, доверху нагруженные ящиками снарядов и мин, мчатся юркие «виллисы», вереницей проносятся «зисы» с автоматчиками на борту и дымящимися кухнями на прицепах... Вся эта колонна прижимается к краю дороги, когда сзади нарастает мощный гул танков, бурей пролетающих вперед и скрывающихся в поднятой ими снежной пелене... По обочинам дороги тащатся санные обозы, шагают по рыхлому побуревшему снегу связисты с катушками, саперы с лопатами,

пехотинцы. На всем этом пути, на дороге наступления, царит большая невысказанная радость, которой объяты идущие вперед; эта радость лучится из глаз бойцов, звучит в их веселых шутках. Им навстречу часто попадаются понуро бредущие группы пленных, осадные пушки, брошенные немцами на дороге, штабели снарядов в плетеных корзинках, вылизанные огнем остовы подожженных танков и окоченевшие трупы немцев. Трупы везде — на самом шоссе, в кюветах, на задымленных снежных полях, в придорожных траншеях, на пепелище сгоревших деревень.

Дорога ведет на Гатчину. И на восток от нее, и на запад, и на север, на всем разросшемся, раскинувшемся фронте наступления, от Мгинских высот до Копорского залива, по всем шоссейным магистралям, по проселкам и лесным просекам двигался вперед поток людей, техники и грузов. Шел двенадцатый день наступления. Наши войска устремились на юг, на глубинный узел немецкой обороны, на последнюю крепость блокады Ленинграда — на Гатчину.

* * *

Только что отбиты у врага Тайцы. В охваченном пламенем пожаров поселке, в на-

рядном дачном домике, сотрясавшемся от близких разрывов немецких снарядов, генерал Трубачев развернул, по его собственному выражению «на часок», свой КП. Совсем недавно командный пункт Трубачева находился на Вороньей Горе. Оттуда далеко видно было, но полки так быстро вырвались на юг, что генерал покинул удобный пункт наблюдения и передвинулся поближе к войскам. Он не собирался долго пробыть и в Тайцах — в этой сильной, но уже преодоленной преграде на пути к Гатчине.

Генерал хорошо знал эти места. В 1941 году ему, тогда еще подполковнику, пришлось защищать Гатчину от немцев. Теперь он сам наступал на Гатчину, строил свой план неотвратимого удара, замышлял маневр, который ставил немцев в тупик.

На северном берегу реки Ижора, в деревнях Пурсково, Верево, Пегелево, немцы создали сильные предмостные укрепления и судорожно цеплялись за них, сдерживая натиск наступающих. Отбросив немцев за реку, бойцы полка Галиева, по еле промерзшей коре тонкого льда, а где и вброд по обжигающей студеной воде, проскочили на южный берег Ижоры и кинулись

5 Зак. 31

в безостановочное преследование. Осуществляя замысел генерала, наши части шли на штурм города с севера, одновременно обходили его с запада, по старинному гатчинскому парку обтекали по восточным окраинам, прорываясь на юг, на перехват тыловых коммуникаций врага.

В туманной дымке зимнего утра, 25 января в 8 часов, бойцы капитана Церетелли вышли в северное предместье Гатчины. Вот он, старинный русский город: справа — под тяжелыми шапками снега ряды деревьев парка, впереди — массивные колонны Триумфальных ворот, а над кирпично-красными казармами павловских кирасир, над прекрасным Гатчинским дворцом-музеем, над всем городом вздымаются к небу густые черные облака дыма, на много километров ветер разносит горький запах гари...

В низенький каменный домик, к командиру полка входит связной комбата. Его лицо, мокрое от пота, белый халат, перемазанный в копоти и грязи, возбужденные, горящие глаза — сами говорят о трудном пути от окраинных домов Гатчины. Он долго полз сквозь огонь по талому снегу, по глубокой лощине и принес написанное на клочке бумаги краткое донесение:

«В 11 ч. 00 м. штурмом овладел первым домом на окраине города Гатчина и закрепился в нем. Лейтенант Мокрецов».

Двухэтажный серый дом. Из окон второго этажа строчат немецкие автоматчики, обстреливая открытое место перед домом. С опушки рощи наше орудие бьет по дому прямой наводкой. Снаряд пробивает стену, окутывая брешь розовой кирпичной пылью. Наши пулеметчики посылают очередь за очередью по раскрытым окнам, вынуждая немецких автоматчиков покидать свои позиции в верхних этажах и на чердаке.

Группа смельчаков ползком пересекает поляну, приближаясь к дому. Пуля ударила красноармейца Тимофеева в правую ногу, в азарте боя он не ощутил боли, продолжая переползать поле. Но вот и дом. Тимофеев с автоматом забрался на спину товарища и стал подниматься к окну; он положил на подоконник автомат, нажал, и пули зацокали по пустым холодным стенам; подтянувшись на руках, Тимофеев через окно прыгнул в комнату. На полу валялся раненый немец. Через другие окна в дом забрались Соколов, Стеблянский, Николаев, Дыров. Стреляя из автоматов, перебегая по комнатам полусогнувшись, чтобы не быть

замеченными из противоположного дома, автоматчики поднялись во второй этаж. На одном из подоконников растерянно стоял немец. Автоматчики пустили несколько очередей над его головой — хотели взять немца живьем, он свалился от испуга со второго этажа.

Это был первый дом, захваченный на северной окраине Гатчины. Немцы стали бить по нему из пулеметов и автоматов. Пули дырявили стены, и в комнатах клубилась белая пыль штукатурки. Тимофеев заметил, что немцы перебегают улицу к дому. Четыре его гранаты полетели из окна на мостовую. Из бокового окна улицу «прочесывали» Дыров, Николаев, Соколов. Немцы падали на черный от гари и копоти январский снег. В дом они не могли проникнуть, и тогда решили подкатить орудие.

В углу одной из комнат примостился со своей рацией ефрейтор Виктор Марков. Три раза его ранило, пока он дополз до этого дома. Марков перевязал раны, развернул рацию и установил связь с командиром полка.

— «Гром», «Гром»... Я — «Орел». За домом немцы выкатывают орудие для стрель-

бы прямой наводкой. Дайте минометный огонь!

Скоро он услышал разрывы наших мин.

Гарнизон первого освобожденного дома на северной окраине Гатчины стал расти. Сюда подползали новые группы бойцов.

Так шла борьба за каждый дом. В продолжение всего дня 25 января в городе ни на минуту не утихал бой. Тем временем завершался двухсторонний обходный маневр. И когда части генерала Якутовича и полковника Батлука, беря город в клещи, перерезали шоссейную дорогу и железные дороги на Волосово, на Лугу, на Тосно, закрыли все выходы немцам из Гатчины, — последовал решительный ночной штурм. Среди аллей парка, в дымившемся дворце, на вокзалах и улицах пехотинцы и артиллеристы, перекатывая пушки на руках, перетаскивая их через взорванные мосты, разбивали последние гнезда немцев в последней немецкой крепости под Ленинградом. Измученная, истерзанная, сожженная немцами Гатчина встречала утреннюю зарю 26 января вновь Советской.

Из сырых подвалов, из ям и землянок навстречу нашим бойцам выходили освобожденные от фашистского рабства со-

ветские люди и, плача от радости, целовали своих спасителей. Истосковавшиеся по родным воинам, по свободной русской речи, они внимали каждому слову сталинского приказа, которое неслось из рупора подвижной радиостанции.

«Войска Ленинградского фронта, развивая наступление, в ночь на 26 января штурмом овладели городом и крупным железнодорожным узлом Гатчина (Красногвардейск), превращенным немцами в крепость с развитой системой долговременных оборонительных сооружений.

...Сегодня, 26 января, в 20 часов, столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, овладевшим городом Гатчина...

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Гатчина.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!».

Смерть немецким захватчикам! Как ненавидели их гатчинцы, пережившие ужас фашистского плена. Как ненавидели их советские воины, увидевшие в Гатчине дела

рук гитлеровских варваров. Желто-серая пелена дыма повисла над городом. Догорали дома, дымились взорванные изнутри парадные комнаты Гатчинского дворца.

Вот что свидетельствует враг о своих последних днях в Гатчине. Приводим отрывок из дневника немецкого солдата Себастьяна Хубу, его запись за 26 января: «Мы взорвали в Гатчине чуть ли не все здания, все склады. Вчера наша рота беспорядочными группами заняла последний рубеж обороны на северной окраине города. Ночью мы, не выдержав, оставили Гатчину. С 21 января город горит со всех углов и концов. Дворец тоже подожжен. От пожаров вот уже три дня в городе стоит оттепель, как в апреле».

Спасаясь от возмездия, покидая свои «Гитлерштрассе», «Герингплацы» в Гатчине, Пушкине, Петергофе, огнем и мечом уничтожали немцы все дорогое русскому сердцу — наши памятники культуры, наши жилища. Но убийцам и поджигателям не удалось удрать от справедливой мести ленинградских воинов. Трупами эсэсовцев и гренадеров, отборных головорезов линдемановской банды были устланы все дороги нашего наступления.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ САЛЮТ

Победные вести шли со всех фронтов Отечественной войны. Алые знамена победоносной Красной Армии взвивались над родными городами, вырванными из немецкого плена. Прошло всего 27 дней нового, 1944 года, но сколько радостных побед отметила страна! Советский народ чествовал освободителей Житомира, Новоград-Волынского, Белой Церкви, Бердичева, Кировограда, Сарны, Мозыря, Калинковичей, древнего Новгорода. Родина славила героев Ленинградского фронта, вернувших ей Красное Село и Ропшу, Мгу, Пушкин и Павловск, Гатчину... Салюты любимой столицы по приказу Верховного Главнокомандующего навеки закрепляли записи о подвигах воинов Красной Армии в истории Великой Отечественной войны.

Гул приветственных выстрелов столич-

ных орудий долетал по радио до Ленинграда и не раз сливался с грохотом разрывов немецких снарядов на улицах и площадях города.

Но вот взята Гатчина. В итоге двенадцатидневных напряженных боев воины города Ленина прорвали и преодолели сильно укрепленную, глубокоэшелонированную долговременную оборону немцев, штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления и опорными пунктами противника от Пулкова до Гатчины, отбросив немцев от стен города на 65—100 километров. В итоге двенадцатидневного победоносного сражения была выполнена задача исторической важности: город Ленина был полностью освобожден от вражеской блокады!

Это был первый удар Красной Армии в 1944 году из десяти сталинских сокрушительных ударов, в результате которых враг был выброшен с советской земли.

27 января 1944 года в ознаменование одержанной победы, по приказу Военного Совета Ленинградского фронта, город Ленина салютовал доблестным войскам фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий...

Ленинград мог, не скрывая очертаний

своих прекрасных улиц и площадей, своих дивных архитектурных ансамблей, залить их праздничными огнями торжественных залпов и ракетного фейерверка.

Незабываем час ленинградского салюта!

20 часов 00 минут. Взвиваются в небо гирлянды ракет, одновременно гремит первый залп, «...и Нева пальбой тяжелой далеко потрясена...». Здания набережной и площадей сотрясаются от грохота орудий, и дым плывет над мостами. Красные, синие, зеленые летят над городом самоцветы ракет. От края до края блистает огнями небо над Ленинградом. В могучем салюте звучит несказанная радость победы, безбрежная гордость народа своей родной армией. Ленинград — всегда строгий в дни войны, настороженный, — преобразился в этот час ликования. Женщины поднимали на руки малышей, то здесь, то там вспыхивали рукоплескания, всюду слышались радостные восклицания.

Ленинградцы торжествуют победу, ленинградцы приветствуют своих избавителей!

Город Ленина, город русской славы, воин и труженик, распрямляя свои богатырские плечи, подымаясь к новым, еще

более величественным подвигам, воздает славу тем, кто самоотверженными боевыми делами добывал победу. Гремят залпы в честь доблестных ленинградских воинов всех родов оружия, похоронивших под стенами великого города до 1 миллиона немецких солдат и офицеров, в честь славных героев, уничтоживших и захвативших 12 тысяч вражеских орудий и минометов, 6 тысяч самолетов, 2 тысячи танков и самоходных орудий, многие тысячи пулеметов, автоматов, винтовок; гремят залпы в честь воинов-ленинградцев, которые под руководством командующего фронтом Л. А. Говорова, членов Военного Совета фронта — ближайшего соратника великого Сталина тов. А. А. Жданова и тов. А. А. Кузнецова одержали историческую победу.

На берега вольной русской реки, в город, раскинувшийся на широком балтийском взморье, вновь и навеки вернулось человеческое счастье. И приветственный орудийный салют, уже в течение двух столетий, со времен Петра Первого, ставший традиционным знаком воздания почести победоносным воинам России, гремит над Невой во славу героев Красной

Армии, достойных потомков героев прошлых побед.

Петербург с первых дней своих расцвечивался огнями воинственных залпов, возвещавших о победах русских войск. В декабре 1709 года Петербург салютовал героям Полтавской битвы, победоносное завершение которой надежно утвердило нашу Родину на берегах Балтики и дало ей право занять подобающее место в Европе. Через год Петербург орудийными залпами чествовал русские войска, овладевшие Выборгом и обезопасившие тем самым молодую столицу России. Минуло несколько лет, и — «...юный град, полнощных стран краса и диво» — Петербург вновь ликовал, встречая русские боевые корабли, возвращавшиеся на Неву после блестящей победы у полуострова Гангута. И всегда бесконечно много говорили торжественные громоподобные звуки салютов сердцу гордых сынов Отчизны. С волнением писал о них великий Пушкин...

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда ...победу над врагом
Россия снова торжествует.

Таким был Ленинград и в день салюта в честь полного снятия вражеской блокады. Герои Ленинградской битвы были уже далеко от родного города, гнали немецкую погань все дальше и дальше от стен города. Но они знали о праздничном ленинградском салюте и радовались. Их сердца были переполнены сознанием гордости, что с честью выполнили свой священный долг перед Родиной, что заслужили бесценную благодарность великого Сталина, что мощные раскаты залпов ленинградского салюта были заслуженной почестью за их боевые подвиги.

С чувством признательности говорили в этот день ленинградцы о своих воинах. В этом городе-герое труженики и воины представляли одну дружную семью. Боевая отвага ленинградских воинов шла рука об руку с трудовой доблестью ленинградцев в течение всех долгих месяцев великой ленинградской эпопеи. И Военный Совет Ленинградского фронта, объявляя благодарность героям освобождения великого города от вражеской осады, отмечал незабываемые заслуги трудящихся Ленинграда их беспримерную стойкость, мужество и непоколебимую преданность родному городу, их

самоотверженный труд, отданный делу победы. Салют славил ленинградскую доблесть — боевую и трудовую.

Расцвеченное над великим городом зимнее небо в час салюта было сказочно прекрасно. Как лучи могучего северного сияния, огни приветствия вздымались ввысь, видимые далеко-далеко...

Гремит последний двадцать четвертый залп ленинградского салюта, но еще долго не расходятся ленинградцы с набережных Невы, со стрелки Васильевского острова, с Марсова Поля, с Сенатской, Исаакиевской, Дворцовой площадей. Новая, обезопасенная от врагов, счастливая жизнь Ленинграда, начавшаяся с разгрома немецких войск под стенами города, продолжается, освещенная праздничными огнями. А на далеких от города полях сражений продолжается великая Ленинградская битва...

НА ОПЕРАТИВНЫЙ ПРОСТОР

27 января 1944 года — может быть, именно в те часы, когда огни фейерверка переливались в небе Ленинграда, а боевые орудия отдалялись на сотый километр от города, — в штабе немецкой группы «Норд» был получен приказ гитлеровской ставки о смещении фельдмаршала Кюхлера. Командующий северной группой немецких войск Кюхлер не оправдал надежд людоеда Гитлера, не сдержал лавину советского наступления. Не могли спасти положения и другие экстренные меры гитлеровской ставки — смещения и перемещения генералов, истерические заклинания, приказы, полные угроз... Все это были жалкие потуги повернуть вспять неминуемый ход событий.

Захватив Гатчину, оставив за спиной укрепления «северного вала», наши дивизии

ускоряли темпы наступления. Они шли к берегам Нарвы и Чудского озера, к Луге и Пскову.

Если первые дни великой Ленинградской битвы носили характер «прогрызания» толщи вражеских укреплений, упорных сражений за каждую высотку, траншею, овраг, за каждый метр земли, то теперь, с выходом наших войск на широкие пространства снежных полей и лесов, наступательная тактика резко изменилась. Началось преследование противника по раскинувшемуся на сотни километров фронту. Войска Ленинградского фронта вышли на оперативный простор. Они гнали немцев на запад по Нарвскому шоссе, по паутине дорог, нависавших над шоссе с севера. Они совершали искусные обходные маневры, отсекавшие немецким гарнизонам пути отхода.

По снежной целине, через леса и овраги, по едва замерзшим болотам, подвижные отряды выходили западнее населенных пунктов, в которых немцы пытались строить промежуточные рубежи, и тем самым брали их в полукольцо и клещи, снижая их способность к сопротивлению. Сметая арьергарды, опрокидывая заслоны, части генера-

лов Алферова и Фадеева делали в день по 25—30 километров.

Два дня шел штурм Кингисеппа. Атаки велись концентрическими ударами с трех сторон, и 1 февраля город Кингисепп (Ямбург), веками служивший русской крепостью против нашествия иноземцев с запада, был освобожден от немецкого плена.

Из Кингисеппа к нарвским берегам, к городу Нарва, по исторической дороге побед наших славных предков, шли ныне советские воины. Когда Москва вновь салютовала войскам Ленинграда, овладевшим городом Кингисепп, доблестные полки уже подходили к Нарве.

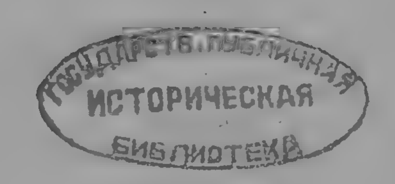
Одновременно с ударом на Кингисепп войска фронта шли и на юго-запад, к Гдову, к берегам Чудского озера. Они встречали на своем пути села, целые районы, освобожденные от немцев советскими партизанами — героями народной войны в тылу врага. Партизаны примыкали к нашим полкам, и воины с косыми красными полосками на шапках в одном ряду с бойцами Красной Армии шагали к историческим рубежам, где еще в XIII веке Александр Невский наголову разбил немецких псов-рыцарей.

9 Зак. 31

Советских воинов звала вперед изнывающая под немецким игом, искони русская земля седой Псковщины.

От Финского залива, по всему побережью Нарвы и Чудского озера, до озера Псковского шла новая линия правого крыла нашего фронта. Южнее города Нарва наши войска форсировали реку и на левом ее берегу, на эстонской земле, в районе от Долгой Нивы до станции Аувере Ям, создали плацдарм, с которого позже двинулись в новое большое наступление за освобождение советской Прибалтики.

Великий поход войск Ленинградского фронта, начатый под стенами родного города, был закончен со славой в последний день войны — 9 мая 1945 года на Курляндском полуострове, где склонили свои знамена к ногам победителей более четверти миллиона капитулировавших немецких солдат и офицеров.

Содержание

Ленинградское Отделение
Военного Издательства НКО

Редактор *майор П. Яцынов*

Обложка *худ. П. Луганского*

Техн. редактор *В. Никонова* Корректор *О. Ладышкина*

Г304816 Подп. к печ. 18.II.1946. Печ. л. $2^{5}/_{8}$ Зак. 31

2-я типография Воениздата НКО имени К. Ворошилова

